

Хорошие солдаты

Они пришли дать Ираку мир, порядок и процветание, или то, что они привыкли понимать под порядком и процветанием. И оказались на другой планете — где мусор не сортируют по бакам, а просто живут в нем, где ненависть сильнее разума и здравого смысла, где освободители могут пройти по освобожденной стране только с прикрытием авиации, где даже те, кто хочет сказать им спасибо, делают это тайно, и где им самим некого и не за что благодарить.

Даже те, кто ушел оттуда живым, никогда больше не будут живыми в полном смысле слова. Журналист Дэвид Финкель, Пулитцеровский лауреат, восемь месяцев прожил в расположении батальона морской пехоты США в Ираке. Его рассказ об этом опыте потряс Америку.

ДЭВИД ФИНКЕЛЬ

ХОРОШИЕ СОЛДАТЫ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 159.9:001.894
Ф 59

Финкель, Дэвид

Ф 59 Хорошие солдаты / Дэвид Финкель. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 321 с.

ISBN 978-966-370-782-2

Они пришли дать Ираку мир, порядок и процветание, или то, что они привыкли понимать под порядком и процветанием. И оказались на другой планете — где мусор не сортируют по бакам, а просто живут в нем, где ненависть сильнее разума и здравого смысла, где освободители могут пройти по освобожденной стране только с прикрытием авиации, где даже те, кто хочет сказать им спасибо, делают это тайно, и где им самим некого и не за что благодарить. Даже те, кто ушел оттуда живым, никогда больше не будут живыми в полном смысле слова. Журналист Дэвид Финкель, Пулитцеровский лауреат, восемь месяцев прожил в расположении батальона морской пехоты США в Ираке. Его рассказ об этом опыте потряс Америку.

ISBN 978-966-370-782-2

УДК 159.9:001.894

Лизе, Джулии и Лорин

1

6 АПРЕЛЯ 2007 ГОДА

Многие из слушающих сегодня могут спросить: почему это усилие достигнет цели, если предыдущие операции по установлению порядка в Багдаде ее не достигли? Разница вот в чем...

Джордж У. Буш, 10 января 2007 года,
речь о начале «большой волны»

Его солдаты еще не называли командира за глаза Лост Коз — «Гиблое дело», обыгрывая его фамилию. Все только начиналось. Те из них, кого ждало ранение, были пока абсолютно здоровы, те, кого ждала смерть, были абсолютно живы. Солдат, который был его любимцем, которого часто называли его более молодой копией, еще не написал о войне в письме другу: «Все, хватит с меня дерьма этого, нахлебался». Другой его солдат, один из лучших, еще не написал в дневнике, который прятал: «Я потерял последнюю надежду. Чувствую, конец мой близок, совсем-совсем близок». Третий еще не озлился до того, чтобы застрелить собаку, которая утоляла жажду, лакая растекшуюся лужей человеческую кровь. Четвертый, который в конце всех событий стал в батальоне первым по боевым наградам, еще не начал видеть сны о людях, которых убил, и думать, не взыщет ли с него Бог за смерть тех двоих, что лезли по приставной лестнице. Пятому еще не начало всякий раз, стоило только закрыть глаза, представляться, как он убил человека вы-

стрелом в голову и как потом появилась маленькая девочка, которая все видела. И сам он, если уж говорить о снах, тоже не начал еще их видеть, по крайней мере таких, что будут долго ему помниться: жена и друзья стоят на кладбище вокруг ямы, в которую он внезапно падает; или все вокруг взрывается, сплошные взрывы, он хочет обороняться, но нет ни оружия, ни боеприпасов, только ведро стреляных пуль. Эти сны не заставят себя долго ждать, но в начале апреля 2007 года Ральф Козларич, подполковник армии США, чей батальон в составе примерно восьмисот человек был отправлен в Багдад как часть «большой волны» Джорджа У. Буша, пока еще находил причины каждый день говорить: «Все идет хорошо».

Он просыпался на востоке Багдада, вдыхал его горький воздух, пахнувший гарью, и произносил эту фразу. «Все идет хорошо». Оглядывал предметы, составлявшие теперь основу его жизни, — камуфляж, автомат, бронежилет, противогаз на случай химической атаки, атропиновый инжектор на случай нервно-паралитического газа, экземпляр «Года с Библией» у койки, которую он, испытывая потребность в порядке, первым делом утром аккуратно заправлял, висящие на стенах фотографии жены и детей, у которых в Канзасе в доме под сенью американских ильмов осталась в видеомагнитофоне записанная вечером перед отбытием кассета, где он говорил детям: «Полный порядок. Все нормально. Пора варить лапшу. Я вас люблю. Всем вставать. Хоп-хоп», — оглядывал и произносил ее. «Все идет хорошо». Выходил и мгновенно с ног до головы покрывался пылью, если только не проехала цистерна, разбрызгивающая сточную воду, чтобы прибить эту пыль, — в этом случае он шел по пропитанной стоками пасте, шел и произносил ее. Проходил мимо взрывозащитных стен, мешков с песком, бункеров, мимо медпункта, где лечили раненых из других батальонов, мимо морга, где лежали тела погибших, и произносил ее. Он произносил ее, читая утреннюю электронную почту в своем маленьком кабинете.

1. 6 апреля 2007 года

те, где стены были в трещинах от многочисленных взрывов. Жена писала: «Я так тебя люблю! Мечтаю, чтобы мы лежали с тобой обнаженные, обнявшись... тела переплетены, может быть, немного потные :-)).» Мать писала из сельской местности в штате Вашингтон после хирургической операции: «Должна сказать, что ни разу за последние месяцы мне так хорошо не спалось. Все нормально, все в лучшем виде. Домой меня привезла Роузи: у нас в то утро забивали коров, и твоему папе надо было находиться на месте, следить, чтобы всё сделали правильно». От отца: «С тех пор как мы последний раз виделись, я много ночей лежал и не мог заснуть, и мне часто хотелось быть рядом с тобой и хоть в чем-нибудь помогать». Он произносил ее по пути в дом молитвы к католической мессе, которую служил на базе новый священник, прилетавший на вертолете, потому что его предшественник подорвался в «хамви». [1] Он произносил ее в столовой, где за ужином всегда брал две порции молока. Он произносил ее, когда ехал в «хамви» по улицам восточного Багдада, где после начала «большой волны» участились взрывы мин на дорогах, убивавшие солдат, лишавшие их рук, лишавшие их ног, причинявшие им контузии, разрывавшие их барабанные перепонки, — взрывы, после которых одни солдаты приходили в ярость, других рвало, третьи вдруг принимались плакать. Не его солдаты, однако. Другие. Из других батальонов. «Все идет хорошо», — говорил он после возвращения на базу. Эта его фраза казалась разновидностью нервного тика — или молитвой своего рода. Или, может быть, это просто было выражение оптимизма — ведь он действительно был оптимистом, хоть и находился в гуще войны, которая в апреле 2007 года, по мнению американской общественности, американских СМИ и даже части американских военных, была, по сути, кончена — оставались только пессимизм, молитвы да нервные тики.

Но он так не считал. «Разница вот в чем», — сказал Джордж У. Буш, объявляя о «большой волне», и Ральф Козларич подумал:

«Разницей станем мы. Мой батальон. Мои солдаты». Я. И с тех пор он каждый день повторял эту фразу — «Все идет хорошо», — за которой могла последовать другая, которую он тоже часто произносил, всякий раз без тени иронии и с полной убежденностью: «Мы побеждаем». Вторая из его любимых фраз. Но сейчас, в час ночи 6 апреля 2007 года, когда кто-то разбудил его стуком в дверь, он произнес нечто совершенно иное.

— Какого хрена? — спросил он, продирая глаза.

Вообще-то он со своим батальоном даже и не должен был, по первоначальным планам, здесь находиться, и при желании можно было смотреть на произошедшее под этим углом зрения — на то, из-за чего Козларич, продрав глаза, оделся и отправился в недолгий путь из своего трейлера в командный пункт батальона. Мартовские дожди, превратившие землю в слякоть, к счастью, кончились. Грязь высохла. Дорога была пыльная. Воздух — прохладный. До места происшествия была всего какая-нибудь миля, но Козларич не видел и не слышал ничего, кроме его собственных мыслей.

Двумя месяцами раньше, перед отъездом в Ирак, сидя у себя на кухне в Форт-Райли, штат Канзас, за ужином (ветчина, дважды запеченный картофель, молоко, десерт из печеных яблок), он сказал:

— Мы — Америка. В смысле, у нас имеются все ресурсы. У нас разумное, мыслящее население. Если мы твердо решим, как во Вторую мировую, если мы вместе скажем: «Да, мы приложим к этому силы, это наша главная задача, и мы намерены победить, мы сделаем все, что потребуется для победы» — тогда победим. Наш народ способен сделать все, что захочет. Вопрос один: есть ли у Америки к этому воля?

Сейчас, в начале второго ночи, когда он входил в командный пункт, война шла уже 1478-й день, число погибших американских военных перевалило за 3 тысячи, количество раненых приближалось к 25 тысячам, первоначальный оптимизм американцев дав-

1. 6 апреля 2007 года

но улетучился, и неверные расчеты и искажения истины, которые предшествовали войне, были в подробностях выставлены на всеобщее обозрение, как и стратегические ошибки, повлиявшие на ее ход после того, как она началась. Четверо раненых, сказали ему. Один легко. Трое серьезно. И один погибший.

— Если посмотреть статистически, вероятность того, что у меня будут потери, очень большая. И я не очень хорошо представляю, как я буду на это реагировать, — признался он в Форт-Райли. За девятнадцать лет офицерской службы он не потерял ни одного солдата из тех, что были под его прямым командованием.

Сейчас ему доложили, что погиб рядовой первого класса Джей Каджимат, возраст — двадцать лет и два месяца. Смерть наступила либо сразу в момент взрыва, либо чуть позже из-за последовавшего пожара.

— Думаю, что это меня изменит, — предположил Козларич в Форт-Райли, и, когда его не было рядом, его друг сказал кому-то, как именно это должно его изменить:

— Вы увидите, как хороший человек разваливается у вас на глазах.

Сейчас ему доложили, что персоналу морга было приказано приготовиться к приему останков, а персоналу, отвечающему за санобработку транспортных средств, приготовиться к дезинфекции вездехода.

— В общем, суть такова: если мы проиграем эту войну, считайте, что Ральф Козларич проиграл войну, — сказал Козларич в Форт-Райли. Теперь, узнавая подробности, он старался подходить к делу аналитически и не давать воли эмоциям. Не о том думать, что Каджимат был одним из первых, кого он получил, формируя батальон, а мысленно просеивать звуки, которые слышал, засыпая. В 12.35 вдалеке бахнуло. Негромко, глухо. Должно быть, то самое.

Их намеревались послать в Афганистан. Про крайней мере, первый слушок был такой. Потом — что в Ирак. Потом — вообще

никуда. Они могли остаться в Форт-Райли и просидеть там всю войну. Понадобились неожиданные повороты судьбы, чтобы батальон, который вознамерился выиграть войну, получил такую возможность.

В 2003 году, когда война началась, батальона даже не было в природе: он существовал только в каком-то проекте, возникшем в ходе бесконечной внутриармейской реорганизации. В 2005 году, когда батальон появился, у него даже не было названия. Боевая единица — так он фигурировал. Новенький батальон внутри новенькой бригады, снаряжение — только то, что было у самого Козларича, личный состав — только он один.

И особенно невыгодным для Козларича было место, где батальон должен был базироваться: Форт-Райли, справедливо или нет, считали одним из малопривлекательных закоулков армии. Козларич, которому вскоре должно было исполниться сорок, окончил Уэст-Пойнт. [2] Он стал рейнджером, [3] и этот опыт, видимо, имел определяющее значение для его армейской жизни. Он участвовал в операции «Буря в пустыне» в 1991 году. Он был в Афганистане на начальной стадии операции «Несокрушимая свобода». Он дважды побывал на боевых заданиях в Ираке, восемьдесят один раз прыгал с парашютом, приземляясь в горах или лесу, неделями жил в дикой местности. Но Форт-Райли казался ему самым глухим местом из всех, где он был. С самого начала он чувствовал себя там чужаком, и это ощущение только усилилось в дни перед «большой волной», когда в Форт-Райли стекались репортеры поговорить с военными и их никогда не направляли к нему. Даже если им нужны были офицеры, его фамилия не упоминалась.

Даже если им нужны были именно командиры батальонов, его фамилия не упоминалась. Даже если им нужны были командиры пехотных батальонов, которых там имелось всего два, — то же самое.

Ему было свойственно нечто такое, чего армия, даже повы-

1. 6 апреля 2007 года

шая его в звании, не хотела принимать. Это не был гладкий, штампованный офицер без сучка и задоринки. Что-то в нем было от черной кости, низовое, мгновенно к нему располагающее, и его окружало какое-то силовое поле, которое он порой излучал мощно, волнами. И если армия чего-то в нем не принимала, то было и в армии то, чего не принимал он, — твердо заявляя, к примеру, что категорически не желает должности в Пентагоне, поскольку такие должности часто достаются подхалимам, а не настоящим солдатам, а он солдат до мозга костей. Эту его установку иные из друзей считали благородной, другие глупой — оба этих качества вошли в состав его сложной души. Он добр — и эгоистичен. Человечен — и поглощен собой. Росший сначала в Монтане, потом на севере тихоокеанского побережья, он сперва был худым мальчонкой с торчащими ушами, но со временем методично превратил себя в мужчину, который делал больше всех отжиманий и быстрее всех бегал милью, в мужчину, для которого каждый день жизни был волевым актом. Он горд своим брюшным прессом и своей безукоризненной способностью запоминать имена, даты, одобрительные и пренебрежительные отзывы. У него четкий и изящный почерк, почти каллиграфический. Он каждое воскресенье посещает мессу, молится перед едой и крестится всякий раз, когда садится в вертолет. Он любит начать со слов: «Дайте-ка я вам скажу кое-что» — и затем сказать тебе кое-что. Он может быть искренним, чем привлекает к себе людей, и резко-прямолинейным, чем порой их отталкивает. Однажды, когда журналист спросил его о проведенном им расследовании смерти Пата Тиллмана, профессионального футболиста, ставшего рейнджером в полку Козларича и погибшего в Афганистане от «дружественного огня», он предположил, что родным Тиллмана, наверное, потому так трудно примириться с его гибелью, что им не помогает в этом религия: «Когда ты скончался, ты вроде как переходишь в лучшую жизнь, так или нет? Ну а если ты атеист и ни во что не веришь, вот ты умер, и куда тебе подать-

ся? Некуда. Ты пища для червяков», — сказал он. Да, резкий человек, прямолинейный. И не слишком тактичный, пожалуй. Порой грубый. «Гребаная жара» — таков был его излюбленный отзыв о погоде.

Но самое важное то, что он по своей глубинной сути был лидером. Когда вокруг него были люди, они хотели знать, что он думает, и, если он что-то им приказывал, они, пусть даже это было для них опасно, делали это не из боязни нарушить дисциплину, а потому, что не хотели его подводить. «Спросите кого угодно, — сказал майор Brent Каммингз, его заместитель. — Это такая динамичная личность, что люди охотно идут за ним». Или, по словам другого его подчиненного, «он такой, что за ним даже в ад полезешь. Из настоящих вожаков». Это увидела даже большая, раздутая, пронизанная политиканством армейская система, и в 2005 году Козларича назначили командиром батальона, а в 2006 году он узнал, что его подразделению присвоен номер 2-16, некогда принадлежавший другому батальону. Полностью: второй батальон шестнадцатого пехотного полка четвертой пехотной бригадной боевой группы в составе первой пехотной дивизии.

— Ни хрена себе! Прозвище знаешь какое? — сказал Brent Каммингз, услышав эту новость от Козларича. — «Рейнджеры».

Козларич засмеялся и сделал вид, что курит победную сигару.

— Судьба, — сказал он.

Он и правда так считал. Он верил в судьбу, в Бога, в предназначение, в Иисуса Христа и в то, что на все есть свои причины, хотя порой смысл происходящего не открывался ему с ходу. Взять, например, последние недели 2006 года, когда ему наконец сообщили задание: батальон должен отправиться в Западный Ирак обеспечивать безопасность снабжения. Он был ошарашен. Ему, пехотному офицеру во главе пехотного батальона, поручалось во время главной войны его жизни двенадцать унылых месяцев сопрово-

1. 6 апреля 2007 года

ждать колонны грузовиков с топливом и продовольствием среди унылого плоского безлюдья Западного Ирака? В чем, недоумевал Козларич, может быть смысл такого поворота судьбы? В том, чтобы он знал свое место? Чтобы почувствовал себя неудачником? Ибо именно так он чувствовал себя 10 января 2007 года, когда с сознанием долга включил телевизор, чтобы послушать Джорджа У. Буша, который, переживая углубляющийся спад популярности, объявил в этот день о новой стратегии в Ираке.

Неудачник слушал неудачника: 10 января трудно было охарактеризовать Буша иначе. Рейтинг поддержки составлял 33 процента — самая пока что низкая цифра за весь период его правления, и, когда он в тот вечер начал говорить, по крайней мере те 67 процентов, что не одобряли его деятельность, вероятно, услышали в его голосе не столько решимость, сколько отчаяние, ибо практически по любым меркам военная кампания, которую он вел, была на грани провала. Стратегия установления прочного мира провалилась. Стратегия разгрома терроризма провалилась. Стратегия распространения демократии на Ближнем и Среднем Востоке провалилась. Стратегия демократизации хотя бы самого Ирака провалилась. В большинстве своем американцы, которые, согласно опросам, устали от войны и хотели вернуть войска домой, переживали текущий момент как трагедию и впереди видели только утраты.

То, о чем объявил тогда Буш, звучало как вызов, если не как прямая глупость. Вместо уменьшения численности войск в Ираке он решил ее увеличить — в конечном итоге прибавка составила 30 тысяч. «Подавляющее большинство — пять бригад — будут размещены в Багдаде, — сказал он и продолжил: — Перед нашими войсками будет поставлена четкая задача: помогать иракцам защищать городские районы и поддерживать в них безопасность, содействовать им в защите местного населения и способствовать тому, чтобы иракские силы, которые останутся после нашего ухода, мог-

ли обеспечивать в Багдаде необходимую ему безопасность».

Такова была суть новой стратегии. Это была стратегия борьбы с повстанческими движениями, которую Белый дом вначале назвал «новый путь вперед», но которая вскоре стала известна как «большая волна».

Итак, «большая волна». С точки зрения большинства американцев, эта волна должна была бросить посылаемые подкрепления в пекло войны на ее трагической стадии, но, когда Буш кончил говорить, когда начали циркулировать слухи о том, что это за пять бригад, когда их номера стали звучать публично, когда было официально объявлено, что одна из бригад отправится из Форт-Райли, штат Канзас, Козларич увидел происходящее в другом свете.

Командир батальона в гуще войны: вот кем ему суждено быть. Стратегические неудачи, смена общественных настроений, политические веяния — все это, сказавшись в самый подходящий момент, привело к тому, что он и его солдаты не будут охранять грузовики с продовольствием. Они отправятся в Багдад. Увидев наконец смысл, Козларич закрыл глаза и возблагодарил Бога.

Три недели спустя, когда до отбытия оставались считанные дни, когда его правая ладонь побаливала от бесчисленных рукопожатий с людьми, которые не спешили ее отпускать и так смотрели ему в глаза, словно пытались навеки запечатлеть в памяти облик Ральфа Козларича, он сидел дома за столом и заполнял анкету под названием «Памятка семье на случай особых обстоятельств».

Я хотел бы, чтобы меня похоронили / кремировали.

«Похоронили», — написал он.

Местоположение кладбища:

«Уэст-Пойнт», — написал он.

Личные вещи, которые надлежит похоронить со мной:

«Обручальное кольцо», — написал он.

Вошла его жена Стефани, которая до того была в другой части дома с их тремя детьми. Они познакомились двадцать лет на-

1. 6 апреля 2007 года

зад, когда оба учились в Уэст-Пойнте, и он сразу почувствовал, что рослая, спортивная, высоко держащая голову женщина, которая вдруг перед ним возникла, не из тех, кто легко дает себя завоевать. На нее стоило обратить внимание, он это понял. Себя он тоже ставил весьма высоко, и первое, что он ей сказал, было произнесено в высшей степени уверенно: «Можете называть меня Де Коз». Де Коз — The Cause, «Правое дело» — нравилось ему намного больше, чем Ральф, и намного больше, чем его фамилия, которую не все произносили верно: Козларич. Теперь, спустя двадцать лет, за которые Стефани ни разу не назвала его Де Коз, она прочла, что он написал, и спросила:

— И это все, что с тобой хоронить?

— Да, — ответил он, не отрываясь от своего занятия. Тип надгробия:

«Военный», — написал он.

Отрывок из Писания, который надлежит прочесть: «Псалом 23», — написал он.

Музыка, которую надлежит исполнить: «Что-нибудь бодрое», — написал он.

— Ральф, бодрое, ты уверен? — спросила Стефани.

Тем временем в других частях Форт-Райли другие солдаты и офицеры тоже готовились. Дописывали завещания. Составляли доверенности. Проходили последние медицинские обследования. Слух. Частота сердечных сокращений. Кровяное давление. Группа крови. Посещали медицинские инструктажи, где им говорили: «Мойте руки. Пейте бутилированную воду. Носите хлопчатобумажное белье. Берегитесь крыс». Надевали бронезилеты, проходили в них осмотр на ветру при нулевой температуре: ремешки, говорили им, затянуты слишком слабо, в результате керамические пластины для защиты от снайперских пуль с высокой пробивной способностью на дюйм смещены, к тому же эластичные бинты и жгуты находятся не там, где надо, — словом, ты, считай, уже труп.

Им объясняли, как бороться со стрессом и мыслями о самоубийстве; армейский священник втолковывал им: «Это важно. Если вы не готовы умереть, то должны к этому прийти. Если вы не готовы к гибели, то должны стать готовыми. Если вы не готовы видеть, как гибнут товарищи, то должны стать готовыми».

Были ли они готовы? Кто мог это знать? В большинстве своем они впервые отправлялись нести службу в боевых условиях, для многих это был первый в жизни выезд за границу. Средний возраст батальона — девятнадцать лет. Мог ли девятнадцатилетний парень быть готовым? Например, девятнадцатилетний солдат Данкан Крукстон? Он собирал вещи в своей маленькой квартирке, с ним были мать, отец и юная девятнадцатилетняя жена, и вдруг зазвонил телефон. «Похоронить», — ответил он. «Боевой гимн республики», — сказал он. Через десять минут он положил трубку. «Только что спланировал свои похороны», — беспечно бросил он недоумевающим родителям и молодой жене, но был ли Данкан Крукстон готов?

А самый младший солдат батальона, которому было только семнадцать? «Так точно», — отвечал он всякий раз, когда его спрашивали, готов ли он, но раньше, когда слухи об отправке только начали ходить, он отвел в сторону своего взводного сержанта — старшего сержанта Фрэнка Гитца — и спросил, как ему быть, если он убьет кого-нибудь. «Засунь это в темный угол и не вытаскивай, пока ты там», — ответил Гитц.

Был ли готов этот семнадцатилетний?

И был ли, если уж на то пошло, готов Гитц, который побывал в Ираке дважды, был по возрасту одним из старших в батальоне и знал про «темные углы» больше, чем кто-либо другой?

Был ли готов Джей Каджимат, о котором его мать десять недель спустя скажет репортеру местной газеты, что он был «сердечным мальчиком»?

Содержание

1. 6 АПРЕЛЯ 2007 ГОДА	3
2. 14 АПРЕЛЯ 2007 ГОДА	29
3. 7 МАЯ 2007 ГОДА	48
4. 30 ИЮНЯ 2007 ГОДА	69
5. 12 ИЮЛЯ 2007 ГОДА	89
6. 23 ИЮЛЯ 2007 ГОДА	115
7. 22 СЕНТЯБРЯ 2007 ГОДА	135
8. 28 ОКТЯБРЯ 2007 ГОДА	163
9. 11 ДЕКАБРЯ 2007 ГОДА	190
10. 25 ЯНВАРЯ 2008 ГОДА	220
11. 27 ФЕВРАЛЯ 2008 ГОДА	243
12. 29 МАРТА 2008 ГОДА	268
13. 10 АПРЕЛЯ 2008 ГОДА	293
ПОГИБШИЕ СОЛДАТЫ БАТАЛЬОНА 2-16	305
ОБ ИСТОЧНИКАХ И МЕТОДАХ	307
БЛАГОДАРНОСТИ	308
ФОТОГРАФИИ	309
ПРИМЕЧАНИЯ	318

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Дэвид Финкель

ХОРОШИЕ СОЛДАТЫ

(Російською мовою)

Підписано до друку 27.02.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 20,15. Тираж 300 прим.

Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

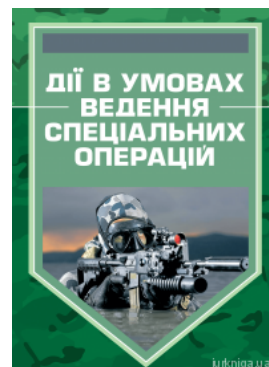
Книги, які можуть вас зацікавити

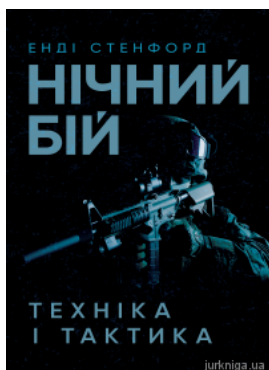
Прогулянка в моїх бойових черевиках

Ближній бій. Місто, забудова, вулиця. Уроки битви та вправи

Дії в умовах ведення спеціальних операцій. Методичний посібник

Нічний бій. Техніка і тактика

Тактика личной охраны на войне. Частные военные компании

Розвідка та іноземні армії. Інформаційна робота

Перейти до галузі права
Військове право

[Перейти на сайт](#) →